

В небе голубом

В Третьяковской галерее на Крымском Валу открылась выставка Эрика Булатова «Вот»

ВЫСТАВКА В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ – ПЕРВАЯ В РОССИИ И САМАЯ БОЛЬШАЯ ИЗ КОГДА-ЛИБО БЫВШИХ РЕТРОСПЕКТИВ КЛАССИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ.

НА КРЫМСКОМ ВАЛУ ВЫСТАВЛЕНО 150 КАРТИН И РИСУНКОВ ИЗ 29 МУЗЕЕВ МИРА.

Юлия Черникова

Буквы, царапающие небо, – естественная часть городского пространства. И не менее естественный фон жизни современного человека. Взять хотя бы посетителей Третьяковской галереи на Крымском Валу: чтобы попасть на только что открывшуюся выставку Булатова, нужно пройти в здание, «отягощенное» гигантскими буквами. Название небезызвестной фирмы накладывается на небо над Третьяковской галереей как трафарет. Подобные столкновения поверхности и пространства стали главной интригой творчества Эрика Булатова. Разрешение этой интриги на его персональной выставке в Третьяковке, к счастью, обнаружить не удалось.

Вообще мир сквозь лозунги – законный объект интереса концептуалистов. К 1970-м – времени расцвета концептуального искусства – обнаружилось, что мир пропитан словом. На Западе в воздухе носились названия брендов и рекламных слоганов. Именно поэтому западный концептуализм тяготел в сторону поп-арта, художественного освоения пространства масскульта. В СССР в воздухе носились совсем другие слова. Например, «Опасно». Или «Не прислоняться». Или «Входа нет». Помещенные Эриком Булатовым на фоне реалистически вы-

писанной природы они становятся зловещими, кровожадными и безразмерными. Они закрывают и присваивают себе любое пространство. Они не позволяют пейзажу

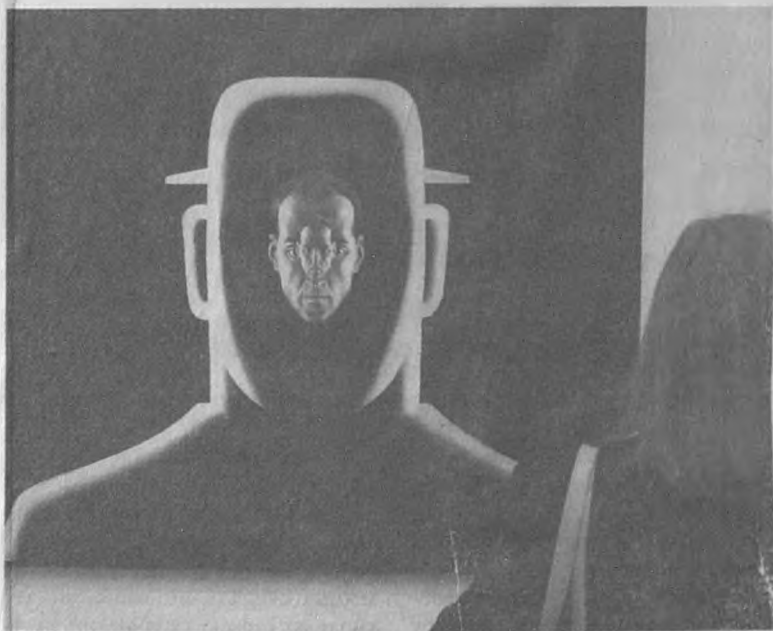
зы и запрета. Эрик Булатов дает ей тонкое и изящное определение. Не буквально – художественно, конечно. Советская реальность – это названная реальность. То, что имеет

Мир сквозь лозунги – законный объект интереса концептуалистов

существовать самому по себе. Они властно заполняют собой все поверхности, делая среду идеологически насыщенной. Красные буквы «Слава КПСС» перекрывают голубое небо, а заодно и кислород. Ни разу не использовав слово «совет-

название (а название имеет все), вынуждено подчиняться, поскольку слово – это инструмент власти.

Правда, не все слова одинаковые. Они могут быть не только инструментом власти, но и инструментом поэзии. Например, те слова, кото-

Перспектива концептуального портрета.

кий», Булатов, по сути, исследует именно его. Советская реальность – это реальность принуждения, угро-

ры использует любимый поэт Булатова Всеволод Некрасов. «Живу-вижу», «Свобода есть свобода», «Во-

Эрик Булатов всматривается в быстротекущее время.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

да текла». Здесь совсем иное взаимодействие с пространством. Слова не ограничивают, а расширяют его, усложняют, делают подвижным. Не запрещают, а выявляют свободу и глубину пространства. Так, на картине «Как идут облака – как идут дела» слова словно становятся облаками, белыми, невесомыми и парящими, а в работе «Живу-вижу» создают почти осязаемую перспективу.

Но Эрик Булатов, как любой большой художник, не тождественен своему фирменному стилю. Да и рисовал он не только в 70–80-е годы. Собственно, и сейчас он продолжает работать. В связи с этим на выставке можно увидеть его ранние реалистические картины, опыты с

абстракцией, книжные иллюстрации (вместе с Олегом Васильевым Булатов иллюстрировал детские книги), рисунки, работы «Красносерии» (в их пространство залезает не слово, а затекает красная краска) и картины, написанные цветными карандашами.

Три года назад в Третьяковской галерее уже проходила выставка Эрика Булатова (приуроченная к 70-летию). Она неожиданно оказалась первой персональной выставкой художника на родине, которую он покинул в 1989 г. Еще более неожиданной была ее камерность: на выставке была представлена исключительно графика. Тогда писали, как хорошо, мол, что можно во-

очию оценить грань таланта Булатова и как плохо, что его многие известные работы осели в частных коллекциях. Выставка «Вот» восполняет пробел в осознании масштаба дарования Эрика Булатова.

Почти удивительно, что Эрик Булатов был и остается верным станковой живописи. Кажется, что во второй половине XX века это невозможно. Просто он превратил буквы, царапающие сознание, в часть профессиональной биографии. И правда, пусть лучше царапают голубое небо на его прекрасных и чуточку страшных картинах. ■

Юлия Черникова – арт-критик, искусствовед.